

Совершенно секретная правда Этери Левиевой

В современном мире все меньше пространства для свободной журналистики. Сегодня даже сложно представить появление такого телеканала, как «Совершенно секретно», расследования которого были не просто сенсационными, но судьбоносными для страны и ее народа.

Настоящая журналистка – это диагноз. Судя по всему, именно так считает гендиректор того самого «Совершенно секретно» Этери Левиева (напомним, что его президент и журналист Артем Боровик погиб, отправляясь на очередное расследование). Но она не ностальгирует по тому времени, а пытается воспитать новое поколение настоящих журналистов и поддержать коллег в регионах, кто, несмотря ни на что, старается писать интересно, честно и объективно.

О своей женской судьбе, о журналистике и пропаганде – глава Академии телевидения, создатель «ТЭФИ-мультимедиа»

Этери Левиева – в интервью обозревателю «МК».

«Мы влюбились в «нехорошей квартире» Булгакова»

– Этери Михайловна, вы всегда были девочкой с характером. Бросили музыкальную школу, не скрывали, что не любили свою английскую спецшколу. Такая самостоятельность помогала или мешала вам по жизни?

– Жизнь меня заставила быть такой, как вы выражаетесь, «девочкой с характером». Я росла в патриархальной семье с восточным уклоном, где мужчина был главный, женщина даже не на втором, а на каком-то третьем или четвертом месте. До сих пор два брата (они любят меня, безусловно, как и я их) не понимают такой истории, когда женщина выдвигается на первый план или становится публичной персоной (оговорюсь, я не считаю себя знаменитостью, я просто всегда с удовольствием делала и делаю свою работу).

Бросила я музыкальную школу, потому что меня заставляли там учиться, а я не хотела. Папа очень расстроился, когда узнал. Он велел немедленно убрать пианино (замечательный, очень дорогой инструмент, который приобрел специально для меня) со словами: «Ах так?!.»

– Папа наказывал?

– Я была любимой, долгожданной дочкой. Наказаний как таковых не было. Но были всплески гнева. Влетало пару раз. Это происходило в момент, когда в каком-то споре я пыталась защитить маму. Опять же это такая восточная история.

Спецшколу свою я не любила, потому что в то время намечались новые процессы в стране – и все «пахло» чем-то другим. А эти бесконечные комсомольские собрания (а я была комсоргом) на меня давили. В какой-то момент меня позвала классная руководитель, сказала: «Этери, ты же не будешь поступать в МГИМО?» Я говорю: «Почему?» – «Ну, потому что тебя туда не примут». Я страшно расстроилась, и мне пришлось уступить должность комсомольского вожака мальчику, у которого папа дипломат. Он потом поступил в МГИМО, но что-то у него в жизни не сложилось, сломалось на стыке смены эпох. Когда я уже возглавляла «Совершенно секретно», он позвонил мне с просьбой опубликовать его книгу по истории, кстати, талантливо написанную.

Возвращаясь к вопросу о самостоятельности... не знаю, что вам ответить. Я наблюдала за женщинами, которые мягкие, такие рыбки и зайки. Я видела, как на них смотрят мужчины. В

семейной жизни, в любви, наверное, лучше все-таки быть зайкой.

– Раз уж вы сами заговорили про мужчин. Многие умирали от страсти к красавице Этери?

– В школе я не особенно чувствовала внимание мальчиков. Но когда стала работать с архитекторами, увидела, как молодые люди (и не молодые тоже, кстати) проявляют ко мне интерес. Говорили, что от меня исходит нечто, что притягивает.

– Вы как-то пошутили: чтобы найти общий язык с мужем-архитектором, вы пошли получать второе образование в МАРХИ.

– Это правда. Не знаю, помогло ли это браку, но нашим взаимоотношениям помогло точно. Потому что у меня была не прикладная, а гуманитарная профессия. А он создавал пространство и время (так написано на его стеле на месте захоронения). И это чистая правда, он действительно создавал пространство в глобальном смысле этого слова. Создавал его и в нашей семье. Он был абсолютная моя противоположность: мягкий, немногословный, взвешенный человек. Либо я его оттеняла, либо он меня. Но главное, что он меня принимал такой, какая я есть.

– Как вы с ним познакомились?

– Познакомились мы в Доме архитектора, где я возглавляла молодежную секцию. Тогда были знаменитые дома журналистов, архитекторов, куда закрыта дорога обычному смертному. Внутри прекрасные рестораны, где подавали изысканные блюда и вина. Там люди искусства отмечали праздники и делали просто замечательные капустники. В нашем Доме архитектора часто бывали Ширвиндт с супругой, которая сама архитектор и из династии архитекторов.

И вот я познакомилась с Геннадием, который старше меня почти на пятнадцать лет. Уже состоявшийся человек, за спиной у него была семья, дети взрослые. Мы где-то лет семь пересекались, но не особенно замечали друг друга. А потом каким-то образом большой компанией оказались в мастерской Гены. Она

располагалась в булгаковской квартире №50. В той самой «нехорошей квартире», где ведьмы носились на метлах (там что-то потустороннее происходило, я реально все это слышала, не шучу). Как было принято в то время – большая компания, накрытый стол... Все наши друзья ушли (должны были вернуться, но так и не вернулись), а я почему-то осталась убирать посуду. Геннадий был настолько интеллигентным, воспитанным человеком, что никоим образом не выдал своего мужского желания. А ведь вечернее время, пустая квартира. И я не нашла ничего лучшего как спросить: «У вас есть шахматы?» – «Шахматы? Есть». И принес старые симпатичные фигурки. Мы сели играть в шахматы. Я выиграла. Потом Гена говорил, что он поддался, но это не так. Я действительно хорошо играла, потому что в свое время меня научили этому отец и старший брат. На него это произвело неизгладимое впечатление. Он страшно удивился. Ну а дальше как-то сложились отношения. Потом он безвозмездно передал эту огромную квартиру Булгакова (по-моему, 400 метров), которая была в его собственности, в фонд, и из нее сделали музей. Я, честно говоря, его ругала. Я говорила: «Как же так? Квартира в центре Москвы, на Маяковке... Почему ты просто взял и отдал?» Он сказал: «А как иначе? Это же Булгаков». Он был истинным московским интеллигентом.

– Непросто, наверное, было с таким его близким...

– Непросто.

– Это, похоже, про то, как директор Эрмитажа Михаил Пиотровский в свое время отдал в дар музею уникальную коллекцию своего отца, который, кстати, тоже был археологом... А у меня новый вопрос: вы были брокером в США.

Как вас угораздило?

– Боже мой, откуда вы все это знаете? (Смеется.) У меня один брат живет в США. В 1992 году мы с мужем туда временно переехали (он получил там работу). Я не могла сидеть без дела, хоть у меня была уже маленькая дочка. Я представляла себя как в сюжетах из английской литературы, в каком-нибудь цветочном

магазине... Кстати, язык знала прекрасно. Но благодаря брату я оказалась в брокерской конторе, которая находилась на Манхэттене. Это было очень странно, потому что где я, а где – брокеры (папа смеялся, что при игре в карты я не умела ничего просчитать)? Мне поручили списывать какие-то цифры с компьютера на бумажку и относить в разные места, что я честно и делала. Но мне показалось, что со мной в эту брокерскую компанию вошло какое-то дыхание России. Там сидели мрачные мужчины, которые во время обеда расходились и почему-то друг с другом не общались (сидели отдельно, ели-пили в полном одиночестве). Ну и я начала с того, что обычно делает русский человек при трудоустройстве, – принесла торт, алкоголь и всех позвала. Они страшно удивились и в первый раз в жизни собрались за одним столом. И даже пришел их начальник, которому я рассказывала анекдоты. И я прослыла прекрасным посланцем из России, повествующим всякие причудливые истории из российской жизни. Мы очень подружились. Но я там недолго проработала. Потом нашла русскоязычное телевидение в Нью-Джерси. Оно занималось тем, что подворовывало фильмы и программы российского телевидения (телекомпании «ВИД», например). Я пришла к ним и предложила не «пиратить», а наладить контакты. Какое-то время я с ними проработала, получала 200 долларов.

Потом все же уехали из США. Честно говоря, я могла бы приспособиться к жизни там. Могла заниматься чем угодно, меня это не напрягало. Но не моего мужа, который уже был в расцвете лет и что-либо менять не хотел. И поэтому мы уехали – и были очень довольны, что вернулись в Москву.

«90-е были не лихие, а прекрасные»

– С криминалом приходилось сталкиваться в лихие 90-е?

– Сталкивалась. Люди из бизнеса были вынуждены находить с ними общий язык, чтобы сохранить себя, коллектив, деньги. Поэтому я попадала в компании очень известных товарищей, таких, как Отари Квантришвили. Я их видела, с ними здоровалась, но

конкретных дел у меня с ними не было. Примерно представляла, чем они занимаются. Мне не казалось, как коллегам из «Совершенно секретно», что в этом есть романтика, эдакий флер итальянской мафии (навеянное фильмом «Крестный отец»). Мне никогда, честно говоря, это особенно не нравилось. Но мне сейчас не нравится название «лихие 90-е». Я не люблю его, потому что для меня они не лихие были. Это были трудные, но в то же время самые счастливые годы для меня и моих многих коллег. Для безвременно ушедшего Артёма Боровика, для Влада Листьева... Да, люди ушли, но они столько успели сделать за короткое время.

– Для журналистики это были цветущие годы.

– Самое процветающее время для того, чтобы понять, что такое на самом деле российская журналистика. Она была в этом отрезке. И в этом отрезке появились яркие личности, которые кометой промчались и, к сожалению, угасли. Мы знаем, и в «МК» была история с Димой Холодовым... Но его расцвет, расцвет «МК» и журналистики пришелся как раз на это время.

– Что, по-вашему, важнее – личность или профессионал в журналисте?

– Владимир Познер все время рассказывает студентам историю про то, как журналист пришел к министру обороны и случайно на столе увидел бумагу, проявил журналистское любопытство. И там было написано, что, условно говоря, послезавтра вводятся войска в страну N. Что должен делать журналист? Скрыть эту информацию или всем сообщить? Что должно в нем преобладать: его гражданская позиция (потому что все-таки это твоя страна, и если ты всем расскажешь, то предашь ее интересы) или профессиональная (журналист обязан поставить общество в известность, потому что это важно). Российские студенты всегда говорили: конечно, ты должен скрыть информацию. Американские студенты, напротив, всегда говорили: конечно, пойти и передать обществу. И вот возникает вопрос: где грань между предательством и журналистским долгом, что сохраняет репутацию журналиста, а что, наоборот, ее разрушает?

Мне кажется, важен баланс. Я не могу сказать, что плохой человек не может быть журналистом или журналистом должен быть только положительный (добрый и правильный). Мне кажется, что это должна быть и личность, и профессия. Нельзя выделить одно.

– А вам не кажется, что сейчас такое настроение у власти, что любой журналист, который ее критикует, становится врагом? Несколько высокопоставленных чиновников говорили в духе: «СМИ не должны писать о плохом. Да, у нас воруют, у нас сажают невиновных, у нас нарушают права человека, но это наши внутренние дела. Не надо об этом писать»...

– То есть не надо выносить сор из избы.

– Именно. Но это все убивает журналистику и даже пропаганду делает уродливой.

– Тут есть некая грань. С одной стороны, мы не будем рассказывать, что дома подрался ребенок, потому что это частная жизнь и она никого не касается. Но если это формирует общественное мнение и как-то влияет, если речь о какой-то условной коррупции, преступлении, которое совершается, то почему мы это должны внутри держать? Я не согласна с этим. Мы не должны молчать.

Но такая тенденция есть. Для меня, если честно, сама журналистика перевернулась с ног на голову. Меня несколько беспокоит ситуация, которая прозвучала на одном из профессиональных собраний: «Сейчас журналистика мнений, а не журналистика фактов». Мне это очень странно. Если факта нет, то о чем мы говорим? Другое дело, что есть аналитические программы, есть эксперты, которые высказывают свое мнение, спорят между собой, о'кей, никто не против. Но это же немножко другая история.

– И как вы, воспитанная настоящим свободным телевидением прекрасных 90-х, смотрите на ролевое положение современной журналистики?

– Я считаю, что сегодня нужно договариваться о терминах, что мы называем журналистикой и что мы называем работой в государственных СМИ.

– Пропагандой то есть.

– Я не боюсь этого слова, не считаю его чем-то ужасным. Пропаганда есть и, возможно, должна быть в любом государстве. Мне кажется, она есть в США, в Европе, везде. Есть государственные СМИ, которые проводят политику, доносят до общества государственные образы того, как должна строиться жизнь. И в этом нет ничего такого. Да, люди работают, возможно, они искренне верят в это, возможно, просто поправляют свое материальное положение. Это их выбор. Но если мы говорим о журналистике, о той, о которой говорится в журналистской хартии, это другая история. Это все-таки опасная профессия. Человек должен набраться смелости, чтобы в ней быть. И это своего рода, прошу прощения, диагноз. Ты этим болеешь, ты не можешь жить без того, чтобы не высказаться по поводу какого-то важного аспекта или донести до общества какой-то факт. Еще раз повторю: не мнение, а факт. Но мне претит и другой уклон, когда мои же коллеги, которые считают себя независимыми (хотя, мне кажется, не осталось независимых СМИ), бесконечно говорят только о том, как все плохо и плохо. Получается, что это тоже пропаганда, только «в другую сторону». Но я не верю ни в какие заговоры империалистического Запада.

– Как хорошо, что вы это сказали! А то ведь вокруг только и слышится про «заговор».

– Я это не люблю, и я в это не верю. Да, есть геополитические задачи у каждого государства, и, наверное, они их в жизнь каким-то образом проводят.

Как спасти профессию

– Получается, что мы оказались сейчас между Сциллой и

Харибдой: государственная пропаганда и «другая», но тоже пропаганда. А журналистика где? Вы ее видите сейчас, независимую свободную журналистику?

– Я в какой-то момент поняла, что полной независимости просто не существует. Ни в семье, ни в СМИ. Мы все равно зависим от человека, с которым мы живем, от финансовых, экономических вещей. Мы же не в вакууме. Мы все равно живем там, где мы живем. Мы подчиняемся законам, которые есть в этом государстве. Другое дело, нам какие-то вещи не нравятся, допустим, последний закон об иноагентах.

Тот путь, который телеканал «Дождь» (признан в России СМИ-иноагентом – «МК») проходит сейчас, компания «Совершенно секретно» прошла еще раньше. И когда были проблемы с телеканалом, который мы основали, мы с Эдуардом Сагалаевым на Совете по правам человека (тогда его возглавлял Михаил Федотов) это обсуждали. На этом заседании была Наташа Синдеева, которая сказала, что, собственно, это спор хозяйствующих субъектов. Ровно такая фраза была. А я пыталась объяснить, что это никакой не спор никаких хозяйствующих субъектов, а конкретная история о том, что тебе новый собственник (Ростелеком) диктует, какие программы должны быть, а какие не должны на твоём телеканале. Человек из Ростелекома, который давил конкретно нас, потом ушел из компании, захватив «золотой парашют» (помню, это были колоссальные деньги). И все это вылезло, было опубликовано. А изначально этот человек диктовал нам, как нужно работать, что нужно снимать, и принимал решение о закрытии телеканала.

– Как вы думаете, чем руководствовались те, кто принимал решение, чтобы сделать иноагентом «Дождь»? Своим представлением о «светлом будущем» России?

– Мария Захарова сказала несколько правильных вещей по поводу того, что наших журналистов прессуют за рубежом (мы знаем случаи, когда не давали работать, не давали аккредитации и т. д.). И что мы не выступили тогда единым фронтом в их защиту. Я

согласна, что мы должны все вместе собраться и защищать коллег. Но когда дело касается наших внутренних дел, мне кажется, нужно разбираться с каждым конкретным случаем. Сомневаюсь, что «Дождь» получал финансирование из-за рубежа. Но помимо «Дождя» в список иноагентов попало большое количество не просто СМИ, а журналистов – физических лиц. Нужны коррективы в этот закон. Вот тут как раз сыграла свою плохую роль разобщенность всего журналистского сообщества. Мне кажется, нам нужно объединяться. Не важно, кто где работает. Я написала приветствие на 20-летие «ТЭФИ-регион», и там есть слова про это, про то, что мы должны сохранить репутацию, профессию и страну.

– Будучи гендиректором телеканала «Совершенно секретно», вы совершали дерзкие поступки. Что вами тогда двигало: поиск истины или, как говорят сейчас, хайп?

– Нет, не хайп абсолютно. Это никакого отношения к хайпу не имело. Мы – «олд скул», мы больны профессией, я сейчас снова про диагноз говорю. Было безумно интересно докопаться до истины, во всем дойти до самой сути. Это придавало смелости.

– А что самым дерзким было? Что бы сейчас не сделали, побоялись?

– Криминальные расследования, во время которых угрожали Артему Боровику, его супруге и другим журналистам, и мне. Угрожали семьям. Вот мы расследовали убийство Пола Хлебникова. Докопались до определенной точки, дальше которой пошел невозврат, что называется. Уже обнародовали несколько версий, одна была связана с чеченским следом, это было понятно из книги, которую сам Хлебников и написал. Было расследование, связанное с журналисткой Анной Политковской, где никто не хотел ничего говорить, стена такая. Это, кстати, расследование, за которое мы получили ТЭФИ. Там тоже была очень интересная история. После того как мы сделали это кино, нам оборвали телефоны все зарубежные редакции, чтобы показать его. А мы хотели все-таки, чтобы это был какой-то российский

телеканал. Но ни один наш канал это документальное расследование тогда не принял. Наконец мы пришли на 5-й, питерский канал, который тогда создали. И он это расследование показал. Во время церемонии ТЭФИ мы вышли на сцену, и я сказала такую фразу: «Большое спасибо 5-му каналу, который проявил такую смелость и показал наш труд, который не показали другие». И эти слова вырезали.

– Можно назвать премию «ТЭФИ-мультимедиа», которую вы создали, социальным лифтом для журналистов из регионов?

– Безусловно. Здесь впервые мы увидели соревнование журналистов, которые живут за Садовым кольцом и которые живут внутри Садового кольца (я так грубо говорю). Не имело значения, регионал ты или работаешь в федеральном издании. Не имели значения твой статус, прошлые заслуги и т.д. Абсолютно любой журналист мог подать свою работу – и жюри ее оценивало.

Очень много недовольных я выслушала, но многие восприняли это как новое веяние и возбудились в хорошем смысле этого слова. Мы будем проводить конкурс в следующем году обязательно. Возможно, мы сосредоточимся в основном на мультимедийных проектах, так как производство цифрового контента вызывает огромный интерес и множество споров.

– Не устали ли вы от капризных, амбициозных профессионалов? Если нет, то почему?

– Нет, не устала. Эти, как вы говорите, персонажи – амбициозные профессионалы – они очень ранимые на самом деле. Я вижу, как эти люди болеют за какие-то свои профессиональные вещи, как их обижает невнимание. Мне интересно наблюдать, как эти амбициозные люди, попадая в наш круг на пару-тройку дней, превращаются в профессиональных коллег, друзей и совершенно по-другому смотрят на мир. К тому же некоторые журналисты (Ургант, Познер, Малахов, Корчевников), может быть, не такие, какими нам кажутся с экрана, когда добиваются рейтингов. Они не пафосные. Они такие же, как и мы.

Я очень люблю свою профессию – несмотря на то, что сейчас усложнилась ситуация. Я люблю людей, которые увлечены и у которых горят глаза. И это не только молодые люди, которые в начале пути. Это есть даже в людях, которые испытали на себе тяжесть этой ситуации. Я люблю телевидение, все, что там происходит, все процессы – от идей и до монтажа. Говорят, что Интернет всю аудиторию забрал. Это не так. Телевидение еще долго жить будет.

Ева Меркачева